

чаю, шамана. Въ Ситхѣ каждую почти осень, когда съ острововъ наѣзжаетъ въ качествѣ гостей множество индіанъ, происходятъ торжественно языческія пляски и шаманство. Цѣлыя состоянія, нажитыя съ большимъ трудомъ, инымъ расточительнымъ индіаниномъ проѣдаются и раздариваются въ одинъ день. Не одна тысяча одѣяль въ этотъ сезонъ раздирается на мелкія куски и раздаривается яко бы въ память умершихъ родственниковъ.

Если наблюдать всѣ эти и другія подобныя явленія въ жизни индіанъ въ качествѣ туриста, то они очень интересны и забавны. Но кто поставленъ заботиться о благосостояніи матеріальномъ и духовномъ этихъ, еще во многомъ, дѣтей природы, для того они имѣютъ печальный смыслъ. („Прав. Амер. Вѣстн.“ № 18).

Книжный магометанскій рынокъ въ Бухарѣ¹⁾.

Бухара—мощь ислама и вѣры.

Поговорка.

Въ настоящее время Бухара представляетъ самый важный книжный рынокъ во всей Средней Азіи. Здѣсь, конечно, разумѣется мусульманская литература—книги и рукописи на персидскомъ, тюркскомъ и арабскомъ языкахъ. По значительному скопленію рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій на этихъ языкахъ по разнымъ отдѣламъ мусульманской науки, по массѣ всевозможныхъ сочиненій, начиная съ учебниковъ и кончая учеными трактатами по различнаго рода знаніямъ, Бухара представляетъ поистинѣ сокровищницу для ученаго и букиниста и несомнѣнно дастъ еще немало сочиненій, совершенно неизвѣстныхъ Европѣ или извѣстныхъ ей только по имени. Такое значеніе Бухары объясняется историческою ея ролью въ странахъ по сю сторону Джейхуна (Аму-дарьи).

¹⁾ Заимствовано, съ сокращеніями, изъ Турк. Вѣд.

Мусульмане сунниты видятъ въ ней городъ священный, строго ортодоксальный, центр умственного тяготѣнія значительной части мусульманскаго міра во всѣ времена исламской цивилизаціи. Мусульманскіе писатели названіе Бухары производятъ отъ слова „бухоръ“, которое на языкѣ маговъ-огнепоклонниковъ (парсовъ) значитъ „собраніе наукъ“, а на языкѣ уйгуровъ и китайцевъ — мѣсто богослуженія, монастырь, что опять-таки указываетъ на ученое значеніе этого города, такъ какъ извѣстно, что монастыри у буддистовъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ученія и учебныя учрежденія.

Съ самаго начала введенія ислама въ правобережныхъ странахъ Аму-дарьи, Бухара пріобрѣла главную политическую роль во всемъ Маураннахрѣ и на протяженіи болѣе, чѣмъ тысячелѣтія мусульманской исторіи въ Средней Азіи является постояннымъ, устойчивымъ центромъ исламской цивилизаціи.

Съ первыхъ же вѣковъ ислама, какъ только онъ окрѣпъ въ Бухарѣ, послѣдняя начинаетъ живо интересоваться той лихорадочной дѣятельностью мусульманскихъ ученыхъ на западѣ Азій, которою характеризуются первыя столѣтія исторической жизни основанной Мухаммедомъ религіи. Мало того, что она съ жадностью поглощаетъ обильные плоды этой горячей работы, она сама увлекается кипучимъ дѣломъ, входитъ во вкусъ этой новой для нея дѣятельности и съ жаромъ принимаетъ самое широкое участіе въ детальной разработкѣ принциповъ и устоевъ обновленной гражданственности и государственнаго строя на основаніи корана. На первое время соціальныя условія выдвинули необходимость собрать „хадисы“ (священныя преданія о пророкѣ), — и Бухара дала цѣлый рядъ собирателей хадисовъ. Затѣмъ нужно было обработать эти хадисы и, руководствуясь ими и кораномъ, составить систематическіе сборники для пользованія въ разныхъ случаяхъ повседневной практики, — Бухара дала и такихъ ученыхъ и ученыхъ популяризаторовъ по разнымъ знаніямъ и особенно по догматическому богословію. Увлеченіе мистицизмомъ, который нашель въ Средней Азіи однородную почву съ своей родиной, т. е. съ восточной Персіей, было въ Бухарѣ особенно сильно, а въ средніе вѣка ислама въ ней созданъ даже новый

оригинальный мистическій орденъ—*накибандія*, основанный бухарцемъ Богавуддиномъ и разработанный и приведенный въ законную систему мѣстными мистиками. Вообще какую бы отрасль мусульманской науки ни затронуть, окажется, что Бухара дала по каждому предмету, за рѣдкимъ исключеніемъ, немало ученыхъ, иногда настолько значительныхъ, что они пользуются славою не только во всемъ мусульманскомъ мірѣ, но даже издавна извѣстны въ Европѣ.

Начиная съ шейбанидовъ и до нашихъ дней центръ административной и умственной тяжести для Маураннахра и отчасти лѣвобережной стороны Аму-дарьи окончательно утверждается въ Бухарѣ.

Въ настоящее время Бухара дорога и священна для мусульманъ не только по ея историческому прошлому или кажущейся политической самостоятельности, но и какъ главная твердыня ислама и разсадникъ просвѣщенія (каково бы то ни было это просвѣщеніе) для всего російскаго мусульманства. Мало того, что въ нее идутъ учиться татары изъ Казани, Крыма и Кавказа и киргизы изъ Сибири, въ ней вы встрѣтите, въ числѣ студентовъ, хивинцевъ, кашгарцевъ, афганцевъ; всѣ области Туркестанскаго края также даютъ значительный процентъ учащихся въ ея мадрасахъ.

Такимъ образомъ Бухара имѣла всѣ данныя къ тому, чтобы сравнительно съ другими городами Средней Азіи скопить въ большомъ количествѣ запасъ духовной пищи, и брошенный въ глубь ея исторіи взглядъ достаточно выясняетъ, что этотъ богатый запасъ имѣетъ не случайное происхожденіе, а является слѣдствіемъ счастливыхъ историческихъ условій на протяженіи болѣе чѣмъ тысячелѣтія.

Ни въ Самаркандѣ, ни въ Ферганѣ, ни тѣмъ болѣе въ Ташкентѣ на книжномъ рынкѣ нѣтъ такого количества книгъ и рукописей, какъ въ Бухарѣ. Понятіе о книжномъ рынкѣ въ мѣстномъ смыслѣ этого слова не вполне соответствуетъ тому значенію его, которое мы привыкли съ нимъ соединять. Собственно на рынкѣ, на базарѣ, можно найти только такія книги и рукописи, которыя имѣютъ болѣе или менѣе постоянный

спросъ — напр., употребляемая въ качествѣ учебниковъ. Конечно, найдутся здѣсь и другаго содержанія книги и рукописи, но въ очень небольшомъ числѣ и совершенно случайнаго характера. Неопытнаго человѣка книжный рядъ на бухарскомъ базарѣ удивить даже своею бѣдностью. Однако, смущаться этимъ обстоятельствомъ не слѣдуетъ въ виду того, что рѣдкій туземецъ не продастъ охотно всего того, что у него есть по части литературы. Только отсутствіе спроса или крайняя незначительность его на сочиненія (за исключеніемъ учебниковъ) служатъ причиною того, что бухарскій книжный рядъ не заваленъ горами рукописей и книгъ. Поэтому смѣло можно считать какъ бы вынесеннымъ на рынокъ не только то, что налицо имѣется на базарѣ, но и вообще все, что можетъ быть отыскано въ Бухарѣ.

Книжный рынокъ въ Бухарѣ помѣщается въ „тимъ“ Абдулла-хана. „Тимъ“—торговое помѣщеніе (пассажъ, если хотите) представляетъ обширное зданіе, состоящее изъ цѣлаго ряда куполовъ, расположенныхъ вокругъ одного большаго купола въ центрѣ и поддерживаемыхъ массивными колоннами. Зданіе это изъ жженого кирпича на фундаментѣ изъ тесанаго камня; оно безъ всякаго украшенія, но выбѣлено. Книжные торговцы занимаютъ только небольшую часть „тима“. Всего книжныхъ торговцевъ человѣкъ 25—30; изъ нихъ каждый располагаетъ мѣстечкомъ не болѣе трехъ квадратныхъ аршинъ и помѣщается на нарахъ, идущихъ вокругъ стѣнъ и колоннъ „тима“ на высотѣ полутора аршинъ. Ширина наръ аршина $1\frac{1}{2}$. Нары, внутри поля, разгорожены стѣнками на отдѣленія, куда торговцы на ночь запираютъ свой товаръ. Пространство между нарами занято проходами. Въ этомъ „тимѣ“ сходятся главныя улицы Бухары, почему здѣсь постоянная давка и невозможные крикъ и шумъ. Для продажи книжные торговцы раскладываютъ свой товаръ на нарахъ и отчасти на деревянныхъ полкахъ, придѣланныхъ на разной высотѣ по стѣнкамъ и колоннамъ. Товаръ заключается въ книгахъ, рукописяхъ, прописяхъ, русской и туземной бумагѣ разныхъ сортовъ, чернилахъ въ бутылкахъ и принадлежностяхъ письма. У торговца обыкновенно не больше 20—100 рукописей и книгъ, въ среднемъ менѣе 50. Конечно, для большинства

торговцевъ, обладающихъ столь незначительнымъ количествомъ товара (рублей отъ 10 до 100), не было бы никакой возможности жить исключительно книжною торговлею, если бы они не соединяли съ нею побочныхъ занятій — переплетнымъ мастерствомъ и комиссіонерствомъ. Большихъ переплетныхъ мастерскихъ нѣтъ и все дѣло ведется исключительно кустарнымъ способомъ. Преобладаютъ кустари-одиночки съ однимъ-двумя учениками. То миниатюрное мѣстечко на нарахъ, которое служитъ лавкой торговцу, вмѣстѣ съ тѣмъ и его мастерская. Обложенный книгами, онъ сидитъ на нарахъ, поджавъ ноги, какъ на тычкѣ, и ковыряетъ что-нибудь иглой или клеитъ. Нѣкоторые вмѣстѣ съ тѣмъ работаютъ на дому по вечерамъ и по утрамъ до выхода на базаръ. Переплетное мастерство даетъ торговцу въ день 25—50 коп. и больше. Въ переплетномъ дѣлѣ никакого усовершенствованія не замѣчается, наоборотъ, какъ бы видѣнъ поворотъ назадъ въ томъ смыслѣ, что книги стали переплетать не такъ прочно и основательно, какъ въ прежнія времена, а наскоро, какъ-нибудь. Экономія въ матеріалѣ и трудѣ доведена до большой степени, что, конечно, создано дешевизной самага труда и конкуренціей. Утилизируется каждый лоскутокъ бумаги, каждый обрѣзокъ кожи. Кромѣ переплета книгъ всѣ торговцы имѣютъ коекакой доходъ отъ комиссій. На комиссію поступаютъ главнымъ образомъ рукописи. Покончивъ съ какимъ-нибудь учебникомъ, школьникъ или студентъ мадрасы тащатъ его къ торговцу и просятъ обмѣнить на другое сочиненіе, которое предполагается къ прохожденію, потому что къ разъ проштудированному сочиненію учащійся считаетъ всякія отношенія оконченными. Учебникъ обмѣнивается, если требующееся сочиненіе имѣется у продавца, а въ противномъ случаѣ оставляется у него, пока онъ не найдетъ для обмѣна подходящаго экземпляра. Профессиональные переписчики, число которыхъ теперь быстро уменьшается въ силу невозможности конкурировать съ литографіей и печатнымъ станкомъ, болѣе и болѣе вытѣсняющими рукопись, переписывая, когда нѣтъ заказовъ, главнымъ образомъ сборники поэтовъ и учебники, несутъ свой трудъ къ тому же торговцу, которому или продаютъ, — конечно, по дешевой цѣнѣ — или сдаютъ на ком-

миссію. Переписчикъ радъ, если онъ сбудетъ свою работу хоть сколько-нибудь дороже затраченнаго на нее матеріала. Вообще же можно сказать, что кропотливый трудъ переписчика сносно оплачивается только тогда, когда онъ имѣетъ большой заказъ и когда сдаетъ товаръ прямо покупателю безъ посредниковъ. Нужда иногда гонить туземца продать книготорговцу за вѣсь бумаги или заложить сочиненіе, которое часто неизвѣстно ни тому, ни другому. Трудно, разумѣется, опредѣлить, сколько перепадаетъ торговцу отъ этихъ комиссій, но довольно сказать, что доходъ этотъ составляетъ значительную долю его годового бюджета. Кромѣ того, комиссіи даютъ ему возможность затрачивать меньшій капиталъ на пріобрѣтеніе товара и вообще располагать незначительною основною суммою. Настоящій кладъ для торговцевъ въ томъ случаѣ, когда умираетъ книжный человѣкъ, который десятки лѣтъ съ любовью собиралъ сочиненія, и библіотека переходитъ къ невѣжественнымъ наслѣдникамъ. На дѣлежъ являются торговцы съ соблазнительнымъ предложеніемъ продать имъ библіотеку. Наслѣдники совершенно резонно рассуждаютъ, что легче раздѣлить деньги, чѣмъ книги и рукописи, и библіотека продается почти даромъ, уходитъ въ разныя руки и не остается отъ нея слѣда.

Кромѣ богословія въ схоластическомъ направленіи, теперешній средній бухарець совершенно пересталъ интересоваться науками. Онъ съ почтеніемъ, даже благоговѣйно относится къ книгѣ и вѣритъ, что все написанное въ ней, правда, но онъ не знаетъ книги. Не знаетъ потому, что большинство сочиненій ему недоступно по содержанію, а то, что имъ пройдено въ школѣ и мадраса, заучено механически. Способности къ наукамъ у него богатые, но ихъ затупила своей схоластикой мадраса и голова его оказывается неприспособленной къ логическому мышленію, а отсюда отсутствіе интереса къ серьезному чтенію, которое для него непосильный трудъ. Вообще, несмотря на громадный процентъ грамотныхъ и даже не какъ-нибудь, а получившихъ образованіе въ мадрасахъ (т. е. высшее, какое дается у здѣшнихъ мусульманъ), равнодушіе къ книгѣ удивительное. Бухарцу нравится читать и слушать житія святыхъ, рассказы изъ библейской

исторіи, героическія сказанія. Онъ большой охотникъ до стиховъ, но и стихи любитъ онъ со стороны витѣватости слога и красоты „кудрявыхъ“ выраженій, и восхищается этимъ, но не содержаніемъ. Онъ утратилъ вкусъ и истинный взглядъ на поэзію и смотритъ на нее какъ на стихосложеніе, чѣмъ и самъ не прочь позаняться на досугѣ. Изъ мадрасы онъ вынесъ слабость поспорить на темы обрядовой казуистики и тонкости въ пониманіи стиховъ, словъ и даже стдѣльныхъ буквъ корана. Въ спорѣ онъ искусный фокусникъ и виртуозъ.

В. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу сибирскихъ переселенцевъ и на построеніе храмовъ. — Изданія въ память покойнаго митроп. Иннокентія. — Поземельное устройство Забайк. области. — Направленіе желѣзной дороги въ Китаѣ. — Неудачная попытка проникнуть въ Лассу. — Жизнь въ глазахъ китайца.

— Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, при канцеляріи Комитета министровъ образованъ благотворительный фондъ для оказанія помощи сибирскимъ переселенцамъ.

Нигдѣ необходимость благотворительной помощи не сказывается съ такою силою, какъ въ глухихъ поселкахъ Сибири, въ средѣ новоселовъ, не успѣвшихъ окрѣпнуть на новыхъ мѣстахъ.

Въ невѣдніи трудовъ и лишеній, какіе ждуть ихъ въ Сибири, туда ежегодно идутъ, гонимые безвыходной нуждой, немущіе, многосемейные люди. Не легко такимъ переселенцамъ окрѣпнуть и обзавестись хозяйствомъ въ суровой непривѣтной странѣ среди чужихъ людей, при непривычныхъ условіяхъ жизни и работы; но все не бѣда, пока новоселье можетъ работать: за то, если онъ умретъ, если болѣзнь или непосильный трудъ подорвутъ его силы, осиротѣвшей семьѣ не миновать разоренія.

Среди невзгодъ и лишеній растутъ молодые поселки, и понятно, что каждый пожаръ, каждый неурожай или падежь — а они такъ часты въ Сибири — ложится на нихъ непосильнымъ гнетомъ.

Много горя въ далекой Сибири и много силъ для борьбы съ этимъ горемъ. Недостаточно для этого казенныхъ средствъ, отпускаемыхъ пересе-

Во всякомъ случаѣ, то-ли, другое-ли, но надо что-нибудь сдѣлать для инородцевъ обязательно! Положеніе инородца слишкомъ тяжело; надо быть совершенно безсрочнымъ, чтобы не замѣчать фактовъ совершеннаго обнищанія гольдовъ... А вымираніе инородцевъ въ низовьяхъ Амура тяжелымъ укоромъ ляжетъ на совѣсть тѣхъ, кому слѣдуетъ „имѣя уши слышати, но не слышащему“. Съ этими тяжелыми думами, съѣвши по куску соленой кѣты и выпивъ по чашкѣ чаю, мы, путешественники, легли спать, о завтрашнемъ днѣ помышляя, ибо собакъ для подводу, оказывается, въ селѣ нѣтъ!...

Миссіонеръ Свящ. П. Ляхоцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книжный магометанскій рынокъ въ Бухарѣ¹⁾.

Бухара—мощь ислама и вѣры.

Поговорка.

Кромѣ описаннаго книжнаго ряда, въ разныхъ мѣстахъ базара есть нѣсколько лавченокъ съ рукописями и книгами, а рядомъ съ тимою Абдулла-хана въ караванъ-сараѣ имѣется постоянный складъ, гдѣ въ шести-семи шкафахъ хранятся рукописи. Время отъ времени книжный товаръ привозится изъ Индіи, Турціи, Персіи и Казани. Больше всего идетъ книгъ изъ Индіи (Бомбей), откуда везутъ ихъ отчасти афганцы, отчасти сами бухарцы. Привозный товаръ исключительно печатный и литографированный. Изъ Турціи привозятъ единственно турки, изъ Персіи—персы. Бухарскихъ изданій почти нѣтъ. Пріѣзжій торговецъ располагается обыкновенно въ караванъ-сараѣ, гдѣ и продаетъ товаръ оптомъ и въ розницу; изрѣдка торгуютъ въ разность. Печатными изданіями Бухару снабжаютъ Казань и Константинополь. Только Хафтіякъ и Коранъ изъ печатныхъ изданій находятъ здѣсь громаднй сбытъ и развозятся въ большомъ ко-

1) Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 18, стр. 82—88.

личества по ханству. Объясняется это съ одной стороны крайнею дешевизною этихъ изданій, а съ другой усиленнымъ спросомъ на нихъ, въ виду того, что эти книги, какъ извѣстно, замѣняютъ школьникамъ буквари. Другія печатныя изданія идутъ крайне туго, потому что туземцы предпочитаютъ имъ литографированныя, а тѣмъ болѣе рукописныя сочиненія, а книги на тюркскомъ языкѣ покупаются только татарами, которыхъ довольно много въ Бухарѣ, (между туземцами тюркскій языкъ въ загонѣ). Стамбульскія изданія печатаются на отличной бумагѣ, всегда въ хорошихъ переплетахъ, но идутъ они очень тихо, потому что сравнительно дороги и не рассчитаны на вкусъ туземцевъ. Какъ эти, такъ и персидскія книги часто иллюстрированы, но рисунки обыкновенно плохи и могутъ утловлетворять только невзыскательный вкусъ бухарцевъ.

Литографированныхъ сочиненій, особенно бомбейскаго изданія, гораздо больше, чѣмъ печатныхъ. Бомбейскія изданія бываютъ только на двухъ языкахъ — персидскомъ и арабскомъ, а на тюркскомъ ихъ совершенно нѣтъ. Издаются обыкновенно учебныя сочиненія, рассчитанныя вполне основательно на широкой сбытъ. По крайней мѣрѣ, изъ бомбейскихъ изданій самое большое количество сочиненій, получаемыхъ въ Бухарѣ, именно учебныя пособія и учебники. Кромѣ того, въ Бомбей издаютъ рядъ цѣнныхъ сочиненій по исторіи, суфизму, медицинѣ, а также сборники стиховъ и пр. Нужно сказать, что изданія эти отличаются толковостью, хорошимъ почеркомъ, описокъ и ошибокъ имѣютъ мало. За такія качества они находятъ широкій сбытъ и дѣйствительно идутъ на встрѣчу потребностямъ народа. Во всѣхъ школахъ и мадрасахъ эти изданія занимаютъ почетное мѣсто. Персидскія и ташкентскія литографированныя изданія встрѣчаются гораздо рѣже, потому что продаются гораздо дороже индійскихъ. Положимъ, что они литографируются на лучшемъ матеріалѣ, чаще на русской бумагѣ, а индійскія изданія — на тоненькой, сѣренькой, но эта послѣдняя бумага напоминаетъ своимъ цвѣтомъ излюбленную туземную „джайдори“.

Литографированныя и печатныя изданія сильно понизили цѣнность рукописей, что въ свою очередь вредно отразилось на

каллиграфическихъ качествахъ послѣднихъ и ихъ правильности. Теперь рукописи переписываются спѣшно, невнимательно, съ массою ошибокъ. Не говоря о томъ, что нынѣшній переписчикъ не въ силахъ исправить ошибки и неточности, встрѣчаемая въ оригиналѣ, онъ, вслѣдствіе паденія серьезной грамотности, не можетъ правильно даже прочесть оригиналъ, а потому невольно допускаетъ немало грубыхъ ошибокъ и неправильностей. Кромѣ того, въ настоящее время не выдѣлывается хорошихъ сортовъ вошеной туземной бумаги, а фабрикуемая для всей Средней Азіи въ единственномъ мѣстѣ, въ Кокандѣ, бумага „джайдори“ и „нимъ-канаби“ довольно плохого качества — грубая, неровная, съ пятнами и прожилками — конечно, служить не къ достоинству рукописи. Славившихся въ старое время сортовъ высокаго достоинства, чрезвычайно прочныхъ — „ипаки“, „канаби“, „ханъ-балыги“ и др. теперь и въ поминѣ нѣтъ и ихъ можно встрѣтить только въ видѣ старыхъ пожелтѣвшихъ отъ времени листовъ рукописей. Очень рѣдкія изъ новыхъ рукописей переписываются красиво и заботливо и во всякомъ случаѣ не для продажи. Вообще же можно сказать, что рукописи, переписанныя въ эпоху тимуридовъ и первыхъ шейбанидовъ, чаще отличаются превосходными каллиграфическими качествами, особенно же гератскія со своимъ характернымъ письмомъ. Извѣстно, какъ мусульмане смотрятъ на письмо, — это художество, искусство, а не просто воспроизведеніе рѣчи на бумагѣ. Чтобы научиться отлично писать, кромѣ продолжительной терпѣливой работы и усидчивыхъ частыхъ упражненій, нужно имѣть талантъ, вкусъ. Тутъ мало одного навыка, необходима врожденная склонность. Работы переписчиковъ, обладавшихъ хорошимъ почеркомъ, дѣнились чрезвычайно высоко. Лучшіе изъ нихъ пользовались обширною извѣстностью, широкимъ покровительствомъ правителей-меценатовъ и попали въ исторію наравнѣ съ учеными, поэтами и писателями. Память о такихъ каллиграфѣхъ, какъ Миръ-Али и Миръ-Ишодъ, живетъ въ памяти бухарцевъ. Разумѣется, для насъ странно, что художники-переписчики ждутъ вдохновенія, чтобы приступить къ работѣ, но на это имѣются положительныя историческія указанія. Кромѣ переписки, искусные каллиграфы при-

влекались и къ составленію разнаго рода надписей для общественныхъ зданій и памятниковъ на могилахъ. По даннымъ ими образцамъ искусною рукою мастера выкладывалась изъ изразцовъ надпись на мечети или мадрасѣ, а рѣзчикъ высѣкалъ на камнѣ и вырѣзалъ на деревѣ. Есть любители, которые покупаютъ рукописи не ради ихъ содержанія, а исключительно за ихъ отличное письмо. Такая рукопись бережется, ею хвастаются и показываютъ, какъ художественное произведеніе, какъ, напримѣръ, мы показываемъ картину или статуетку. Поэтому неудивительно, если иногда приходится слышать, что такой-то купилъ сборникъ стиховъ Ходжа-Хафиза за 100 рублей, или что у такого-то есть коранъ, оцѣненный въ 300 руб. Есть прописи, содержащія всего одно или два двустишія, но продающіяся по 20 руб. и дороже.

Литографія хотя и начинаетъ вытѣснять рукопись, однако послѣдняя занимаетъ на базарѣ, въ школѣ и вообще въ употребленіи первенствующее мѣсто и покупается охотнѣе, несмотря на то, что идетъ дороже литографій. Цѣна рукописи находится въ зависимости отъ каллиграфическихъ ея качествъ, достоинства бумаги, объема и степени легкости или трудности отысканія. Торговецъ изъ книжнаго ряда знаетъ цѣну только такимъ рукописнымъ сочиненіямъ, которыя имѣютъ постоянный спросъ — учебники, словари, нѣкоторые поэты и проч. Приблизительная средняя цѣна на нихъ установлена и торговецъ только набавляетъ къ ея стоимости или сбрасываетъ съ нея, смотря по названымъ чисто внѣшнимъ качествамъ рукописи. Но при продажѣ незнакомыхъ рукописей торговецъ просто теряется и не знаетъ, что запросить. Въ такихъ случаяхъ, если покупатель не мусульманинъ, пускается въ ходъ нахальство и заламывается на всякій случай такая цѣна, отъ которой на губахъ продавца расплывается улыбка и глаза покрываются масломъ. Но въ концѣ концовъ, если торговаться настойчиво, то и не-мусульманинъ передастъ немного сравнительно съ покупателемъ мусульманиномъ, такъ какъ торговецъ, не имѣя возможности оцѣнить внутреннее достоинство сочиненія, принимаетъ во вниманіе только наружныя качества. Такой способъ продажи даетъ возможность покупателю

иногда цѣнное сочиненіе пріобрѣсти за безцѣнокъ. Совершенно иное дѣло, если нужная вамъ рукопись не отыскалась у книготорговцевъ, а добывается по вашему порученію со стороны. Тогда стоимость ей иная и вы ее пріобрѣтете по гораздо большей цѣнѣ, чѣмъ если бы она отыскалась на базарѣ. Дѣло отысканія той или иной рукописи, если ея случайно не окажется у книготорговцевъ, сопряжено съ большими трудностями, потому что рѣдкій владѣлецъ знаетъ по названію всѣ имѣющіяся у него книги и рукописи, обыкновенно переходящія по наслѣдству и лежащія безъ употребленія въ сундукахъ. Въ большинствѣ то или другое нужное вамъ сочиненіе отыскивается случайно, причемъ приходится самому покупателю пересмотрѣть кучи рукописей разныхъ хозяевъ. Конечно, при этомъ разыскиваемое вами сочиненіе можетъ не оказаться въ числѣ пересмотрѣнныхъ и вы бесполезно потеряете немало времени, но за то можете и натолкнуться на неизвѣстное еще сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, на такое, существованія котораго вы и не подозрѣвали.

Главными покупателями рѣдкихъ рукописей, сочиненій по исторіи, географіи, астрономіи, медицинѣ и т. д. являются иностранцы—афганцы, персіяне, армяне, турки и др. Пріѣзжая въ Бухару, они здѣсь проживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время, исподоволь скупая нужныя имъ рукописи, а затѣмъ партіями везутъ купленный товаръ афганцы—въ Индію, а армяне и турки въ Европу, гдѣ продаютъ, конечно, выгодно разнымъ лицамъ и библіотекамъ. Мнѣ въ Бухарѣ случалось сталкиваться въ книжномъ ряду съ „восточными чловѣками“, которые рекомендовали себя командированными тѣмъ или другимъ иностраннымъ ученымъ обществомъ или библіотекой специально для пріобрѣтенія восточныхъ рукописей. Эти господа, не стѣсняясь въ деньгахъ, говорятъ, сильно подняли стоимость рукописей въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и вывезли громадное количество сочиненій за границу. Обидно, что богатый матеріалъ по исторіи судебъ завоеванной нами страны уходитъ за границу, а казалось бы, самое подходящее ему мѣсто на полкахъ библіотекъ нашихъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о библіотекахъ въ Бухарѣ. Въ настоящее время только у немногихъ частныхъ лицъ имѣются библіотечки. Такія лица, будучи сами любителями книжнаго дѣла, дорожатъ рукописями и, по восточной своей подозрительности, на просьбу показать библіотеку незнакому человеку отзываются неимѣніемъ ея или покажутъ кое-что поплосе. При нѣкоторыхъ мадрасахъ существовали прежде обширныя библіотеки, составленныя изъ пожертвованныхъ въ вакуфъ рукописей и книгъ, но теперь о нихъ осталось только одно воспоминаніе, потому что частью библіотеки растеряны, частью отобраны въ „казну“ отцомъ нынѣшняго эмира бухарскаго. Случайно я видѣлъ часть опаса сочиненій, пожертвованныхъ въ вакуфъ мадрасы Мирь-Арабъ, изъ которой видно, что жертвовались не только учебники, но и книги самаго разнообразнаго содержанія. Мнѣ извѣстенъ фактъ изъ „Хайратъ-Уль-Фукаго“, что однимъ лицомъ въ Бухарѣ обращено было въ вакуфъ студентовъ еще въ эпоху саманидовъ 20,000 экземпляровъ разныхъ сочиненій. Авторъ извѣстнаго сочиненія „Хабибу-Сіяръ“ въ рассказѣ о врачѣ Абү-Али-Сина упоминаетъ, что въ Бухарѣ при саманидѣ эмирѣ Нухѣ существовала библіотека, въ которой были собраны старинныя и новыя сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ. Библіотека эта при томъ же эмирѣ сгорѣла. У матаваліевъ разныхъ старыхъ мазаровъ, мечетей и проч., а въ особенности у бухарскаго казы-каляна, который состоитъ матаваліемъ нѣсколькихъ общественныхъ учреждений, находятся старинныя цѣнныя документы—жизнеописанія, акты, вакуфныя рукописи и др. Въ Бухарѣ существуетъ обычай „юртить“: по смерти мудлариса, шейха и вообще человека, причастнаго къ наукѣ, самыя лучшія изъ оставшихся послѣ него сочиненій приносятъ въ даръ эмиру. Мнѣ приходилось слышать отъ компетентныхъ бухарцевъ, что изъ однихъ этого рода приношеній у эмира собрана большая библіотека, не говоря уже о громадной фамиліной библіотекѣ его высочества. Но до настоящаго времени изъ европейцевъ еще никому не былъ разрѣшенъ осмотръ эмировской библіотеки. Кромѣ того, для науки представляетъ громадную важность здѣшній архивъ, содержащій массу документовъ. При почти полномъ от-

существованіи архивныхъ матеріаловъ, для разработки исторіи Средней Азіи въ научномъ отношеніи, архивъ этотъ окажетъ неоцѣнимую услугу. Только не ушелъ бы и онъ за границу.

В. В.

Вогулы десять лѣтъ назадъ и теперь.

Недавно, возвращаясь съ сѣвера и поднимаясь съ рѣки Оби, мнѣ привелось снова заѣхать въ рѣку Сѣверную Сосьву и побывать у вогуль.

Я давно знаю эту рѣку и ея вогуль. Я былъ въ ней еще въ 1883 году и живо помню, какъ я, пробираясь тогда на Сѣверный Уралъ, поднимался по ней въ маленькой долбленной лодчкѣ съ вогулами. Для меня тогда все въ ней было ново: и дикая лѣсная рѣка съ молчаливымъ темнымъ лѣсомъ тайги, и рѣдкіе берестяные шалаши и спрятавшіяся въ лѣсу юрты по берегамъ, откуда къ намъ на берегъ выбѣгали вмѣстѣ съ собаками толпы вогуль, съ удивленіемъ разсматривая насъ, откуда мы пріѣхали, и чудные виды снѣжныхъ горъ Урала, и самая жизнь вогуловъ. И казалось, что уже Богъ знаетъ гдѣ далеко мы отъ Россіи, настолько дико все это казалось, настолько все это окружающее было чуждо тому, что я привыкъ видѣть даже въ тайгахъ Сибири.

Мнѣ очень жаль было тогда вогуль. Бѣдные, въ жалкихъ одеждахъ, сквозь которыя такъ и проглядывало на свѣтъ темное смуглое тѣло, съ вклокоченными волосами, растрепанными косами, полуслѣпые отъ вѣчнаго дыма, истощенные отъ вѣчнаго голода и житья подъ открытымъ сѣвернымъ небомъ, съ испугомъ, заботой на добромъ открытомъ лицѣ, запуганные мѣстнымъ начальствомъ, обобранные нашими купцами, казаками, загнанные какими-то историческими передвиженіями татарскихъ ордъ въ эти негостепріимные лѣса, но сами гостепріимные, простодушные, ласковые къ чужому незнакомому человѣку, они казались мнѣ такими жалкими, такими несчастными, что я готовъ былъ для нихъ сдѣлать Богъ знаетъ что, чтобы они стали людьми, а не пасынками природы.

Бухарскія медресе.

Мечетямъ „Священной Бухары“ числа нѣтъ; но большинство этихъ мусульманскихъ молельнь такъ же безхитростно просты, какъ дома и улицы бухарской столицы. Нѣсколько деревянныхъ столбиковъ подпираютъ тѣнистый навѣсъ террасы, приподнятой надъ улицей, а въ глубинѣ этой террасы пара или двѣ стрѣльчатыхъ окошекъ съ каменными рѣзными переплетами да дверочка въ скромную полутемную молельню, увѣнчанную на серединѣ крыши маленькимъ полумѣсяцемъ. На наружномъ углу террасы обыкновенно ютится какой-нибудь сквозной минаретикъ наивной и характерной формы въ видѣ фонарика на ножкахъ, тоже словно слѣпленный и выпеченный изъ глинки, хотя, вѣроятно, онъ только смазанъ глиной по кирпичу. Передній фасадъ мечети, затѣненный галлереею, такъ же, какъ точеные столбики и потолокъ самой галлерей часто бываютъ красиво расписаны яркими красками и типическими узорами азіатскаго вкуса. Около мечети всегда почти старыя деревья, и въ тѣни ихъ всегда какой-нибудь бассейнъ или маленькій прудокъ. Тамъ обыкновенно собирается весь праздный восточный людъ. Кто моется въ прудкѣ, кто наливаетъ водой высокіе узкогорлые кувшины, кто полощетъ бѣлье, а большая часть кейфуетъ въ ожиданіи призыва на молитву. На ступенькахъ каменной крутой лѣсенки, что поднимается на террасу мечети, и подъ навѣсомъ террасы, въ ея полутемной глубинѣ, также сидятъ молчаливые, суровые старики въ громоздкихъ чалмахъ, въ широкихъ, пестрыхъ халатахъ, — все, должно быть, благочестивые хаджи свя-

шеннаго города. Оттого такіе уголки въ высшей степени живописны и интересны для художника.

Самая большая знаменитость Бухары — это ея прославленная медресе — духовныя академіи своего рода. „Кошъ-медресе“ — значитъ „парныя училища“. Они дѣйствительно стоятъ парой другъ противъ друга черезъ улицу. Постройку одной приписываютъ Тимуру, другую — его матери. Въ Туркестанѣ, впрочемъ, всѣ замѣчательныя древнія постройки народная вѣра приписываетъ непременно Тимуру, даже вопреки сохранившимся историческимъ свѣдѣніямъ. Достаточно хорошо познакомиться съ однимъ знаменитымъ медресе, съ одною изъ большихъ мечетей Бухары, чтобы имѣть полное понятіе о всѣхъ остальныхъ. Послѣ я убѣдился, что и въ Самаркандѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Кокандѣ, — въ сущности все тѣ же мечети, что и въ Бухарѣ; однообразіе ихъ устройства поразительное. Разница только въ богатствѣ украшеній, въ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Бухарскія мечети и медресе имѣютъ интересъ для туриста и художника, только пока онъ не посѣтилъ Самарканда. На насъ, однако, они произвели сильное впечатлѣніе. Только здѣсь въ Бухарѣ увидѣли мы въ первый разъ во всей ихъ красотѣ и величіи типическія созданія этого оригинальнаго восточнаго зодчества...

Я не случайно смѣшиваю здѣсь медресе съ мечетями. По наружному виду между ними нѣтъ никакой разницы. Медресе — это тоже мечеть, такая же роскошная, такая же громадная, только окруженная не галереями для молитвы, а жилищами софтъ — студентовъ этой мусульманской духовной академіи. Вы входите въ мечеть черезъ одну изъ дверей громаднаго алькова. Васъ охватываетъ таинственная полутьма запутанныхъ переходовъ и галлереекъ, раздѣленныхъ узорчатыми колонками, окруженныхъ характерными нишами и окошечками, освѣненныхъ сверху изящными лѣпными купольчиками и сводиками самаго разнообразнаго типа... Вы проходите сквозь нихъ на середину обширнаго пустого двора и тамъ въ изумленіи оглядываетесь кругомъ себя. Тутъ опять тѣ же чудеса: и сзади, и спереди, а въ иныхъ мечетяхъ еще и съ обѣихъ сторонъ, высоко поднимаются въ новомъ разнообразіи узоровъ, красокъ и архитектурныхъ линий,

такія же исполинскія стѣны голубого и зеленого фаянса, такія же смѣлыя арки, такіе же изъ фарфора выточенные, граненые и круглые минареты. Вся эта огромная площадь облицована какъ броней сверкающими изразцами. Между роскошными высокими фронтонами мечетей, какъ бы оберегающихъ со всѣхъ сторонъ святость этого благочестиваго пріюта, тянутся въ два этажа уже гораздо болѣе низкіе корпуса съ кельями софтъ. Это цѣлый рядъ алькововъ и арочекъ живописной формы, такъ что пустынный дворъ кажется обнесеннымъ со всѣхъ сторонъ галлереєю своего рода. Въ альковахъ оригинальныя окошечки съ каменными узорными рѣшетками и уютные внутренніе балкончики, на которыхъ мирно разсѣживаютъ, поджавъ подъ себя ноги, многоученые бухарскіе софты.

Крутыя и узкія каменные лѣсенки ведутъ сквозъ темныя дверочки въ ихъ кельи верхняго яруса. Мы поднимались во многія изъ нихъ, чтобы поглядѣть на житье-бытье мусульманскихъ студентовъ. Вездѣ чистота и порядокъ. Вездѣ монашеская тишина, мовашеское трудолюбіе. Комнатки маленькія, тѣнистыя и прохладныя, опрятно устланныя ковриками и войлочками; низенькія, деревянныя тахты, не выше четверти отъ полу, покрыты тюфяками и подушками. На полочкахъ книги, кое-какая скромная посуда и сложенная праздничная одежда. Софты живутъ по одному и по два въ кельѣ; у каждой кельи внизу крошечная кухонка, гдѣ они сами готовятъ себѣ безхитростную пищу, которою такъ не избалованъ азіатскій мусульманинъ. Къ удивленію нашему, въ числѣ студентовъ, обитателей ученаго скита, мы не встрѣтили ни одного длиннородаго и даже сѣдобородаго мужа. Медрессе вообще учрежденія благотворительныя. Они существуютъ на счетъ имѣній разнаго рода, земель, домовъ, лавокъ, караванъ-сараявъ, денежныхъ капиталовъ, которые жертвованы въ разное время благочестивыми мусульманами на высоко-цѣнное въ мусульманствѣ богоугодное дѣло обученія. Подъ обученіемъ разумѣется у нихъ и всегда разумѣлось исключительно изученіе мусульманскаго богословія ¹⁾.

¹⁾ Изъ книги: „Азія. Иллюстрированный Географическій Сборникъ“.